

Не учи

Ссылка на статью: <http://rusrep.ru/article/2012/07/03/neuchi>

Авторы: **Юлия Вишневецкая**

Откуда в России берутся новые неграмотные

История этого репортажа такова: несколько лет назад в Германии разразился скандал — выяснилось, что четыре миллиона взрослых немцев не умеют ни читать, ни писать. При этом большинство из них не мигранты. Более того, они неплохо трудоустроены и интегрированы в общество. Мы заинтересовались, нет ли аналогичной проблемы в России, и обнаружили огромную социальную группу взрослых людей, которые не имеют аттестата даже о неполном среднем образовании. Но, в отличие от Германии, у нас они изолированы от общества. В поисках неграмотных XXI века наш корреспондент объехала тюрьмы, детские дома, психоневрологические интернаты и пришла к неожиданному выводу: писать надо не столько о глупых детях, сколько о слишком умных взрослых, которые, сами того не желая, выстроили в стране безотказный механизм воспроизводства аутсайдеров.

Принудительно

Больше всего им нравится математика. Во-первых, потому что ее ведет красивая учительница. Во-вторых, потому что из класса за окном виден город: угол рекламного щита и балконы жилого дома — можно забраться на парту и посмотреть.

Домашняя атмосфера, индивидуальный подход, педагоги высшей категории. Двоек не ставят: «Они и так уже наказаны». Учителя приходят на работу с воли только в сопровождении конвоя. ИК № 1 Тамбовской области — образцовая колония строгого режима для первоходов. В исправительных учреждениях ФСИН все осужденные до 30 лет, не имеющие среднего образования, принудительно посещают школу (сотрудники ФСИН почему-то говорят «добровольно-принудительно»).

Осужденные старше 30 лет ходят в школу по желанию, и желающих не так уж мало. Во-вторых, потому что рабочих мест на всех не хватает, а ничего не делать скучно. Во-первых, потому что красивая учительница. Для осужденных школа — единственное место, где они могут ежедневно общаться с женщинами.

Урок математики в колонии для взрослых

[Урок математики в колонии для взрослых](#) from [yulia vishnevets](#) on [Vimeo](#).

Самый младший класс в школе — восьмой. В него принимают всех, даже тех, кто до этого учился всего один-два года. А такие люди есть: по статистике ФСИН, около двух тысяч взрослых осужденных не имеют начального общего образования, 11 тысяч не закончили 9 классов. По словам сотрудников колонии, иногда к ним приходят люди, которые еле-еле пишут и читают, не умеют определять время по часам.

— Как это происходит? Да очень просто, — объясняет начальник колонии Александр Коломоец. — Сюда ведь очень часто попадают люди из неблагополучных и неполных семей, алкоголики-наркоманы-многодетные. Родители бухают, дети занимаются черт знает чем: воруют, хулиганят, прогуливают школу.

Прошу познакомить меня с восьмиклассниками. Администрация удивляется: зачем они вам, они двух слов связать не могут, то ли дело ученики старших классов! Но все-таки приводят на интервью несколько человек.

Виктор Иванов смотрит раздраженно, сидит как на иголках: отпустите быстрее, мне надо обед раздавать. Отчего такой необразованный? После седьмого класса ушел работать помощником комбайнера, бросил школу. Почему? Желания не было. А родители? А учителя? А органы опеки? Ругали. Приходили. Сказал: «Не пойду, и все». Вырос и сел по такой-то статье. А сейчас есть желание учиться? Сейчас есть. Все.

Осужденный Иванов

[Осужденный Иванов](#) from [yulia vishnevets](#) on [Vimeo](#).

29-летний Андрей Беляев застенчиво улыбается. Он из многодетной семьи, перестал ходить в школу в шестом классе, когда старший брат уехал в Москву и перестал за ним следить. Сначала пропустил много из-за чесотки, потом начал прогуливать уже по собственной воле. Ходил с пацанами на поле, жгли костры, пекли картошку. Из-за прогулов оставили на второй год, потом еще раз. А потом уже было несолидно с маленькими садиться за одну парту. В итоге отчислили. Отслужил в армии, устроился в колхозе работать сторожем. Обнаружил, что в тамбовской области полно дикорастущей марихуаны. Стал ее собирать и курить потихоньку, в итоге попался. В деле так и записано: «собрал мешок конопли и подарил брату». Дали 8 лет. Хороший парень, дитя природы. Ужасно жалко.

Артур Пнуш, цивилизованный 24-летний цыган, ушел из школы после шестого класса из-за женитьбы. Для цыган это типичная история, тут нечему удивляться. С 14 лет Артур работал в семейном бизнесе, водил машину, скупал на заводах неликвидную продукцию. В 19 лет сел за наркотики. Сейчас, конечно исправился, учится, чтобы время зря не уходило. Хочет поскорее выйти: «Меня же семья ждет, мне же сына женить скоро».

Добровольно-принудительно

Разные специалисты называют их на своем профессиональном жаргоне по-разному: «двоечники», «маргиналы», «гиперактивные», «дети с задержкой психического развития», «дети с девиантным поведением» — почти в каждом классе любой районной школы есть пара-тройка учеников, с которыми не знают что делать. Они прогуливают и срывают уроки, ничем не интересуются, никуда не хотят поступать, тычут карандашом в глаз соседу по парте и портят школьную статистику.

— Как это получается? Да очень просто, — говорит директор московской школы № 261 Павел Карпов. — У ребенка логопедические проблемы, легкая дислексия. Дома с ним не занимаются, он плохо читает. Сейчас появилось довольно много семей, где нет ни одной книги, кроме кулинарного справочника. Начиная где-то со второго класса учитель просто перестает его спрашивать — ты лучше посиди, пусть кто-нибудь другой прочитает. В результате он перестает читать вообще. Ближе к 6–7-му классу выясняется, что у него проблемы и с математикой, потому что он не может прочесть условия задачи, и с биологией, потому что он не понимает, что написано в учебнике. Его кое-как дотягивают до девятого класса, а потом администрация школы вызывает родителей: давайте по-хорошему договоримся — мы ему тройки нарисуем, а вы его заберете. Он пойдет в ПУ, там ему мастер покажет, как на кнопки нажимать, а потом он просто выберет себе работу, где не надо читать и писать. Вот это и называется функциональная неграмотность.

Другой вариант — просто уход из школы в никуда. По словам социолога Давида Константиновского, вопреки законодательству и официальной статистике, около пяти процентов школьников, поступивших в первый класс, не заканчивают девятый. Но по закону школа не может просто так отчислить ребенка, — поэтому, как правило, директора стараются сделать все возможное, чтобы оставить его в системе. Самый простой вариант — это сгруппировать всех проблемных детей в отдельный класс. — Заходишь в обычную московскую школу, — объясняет Давид Константиновский, — Класс «А» — ученики все вышколенные, хорошо одетые, все в занятиях, знают, куда будут поступать. Приходишь в класс «Б» — там уже дети поразболтанней. Кто-то учится, кто-то не учится. Класс «В» — еще похуже. Класс — «Г» — ну там вообще, в лучшем случае они собираются стать автомеханиками. Теперь смотришь по социальному составу — из каких они семей. Класс «А» — родители с высшим образованием, есть даже доктора наук, все работают на хороших должностях. Класс «Б» — никаких уже кандидатов и докторов, высшее образование не у всех. Ну а класс «Г» — он и есть класс «Г», — местные бомжи, алкоголики и так далее. Причем школа не осуществляет селекции по семьям — только по академической успеваемости. Но, оказывается, академическая успеваемость напрямую зависит от того, какая семья.

Еще один вариант: по обоюдному согласию с родителями выдать ребенка в плохую школу. В каждом районе есть школа, которая берет на себя функции отстойника и кое-как дотягивает детей до девятого класса. Директора договариваются между собой, после этого вызывают родителей, которые добровольно-принудительно переводят ученика.

Раньше неплохим вариантом для таких детей были коррекционные школы VII вида — не «для дураков», а для детей с ЗПР (задержкой психического развития). Эти школы давали нормальное цензовое образование, но в более щадящем режиме. Сейчас их почти нет — даже в Москве осталось всего три. Поэтому очень часто их функции берут на себя вечерние школы. По вечерам здесь взрослые готовятся к ЕГЭ, а днем работают коррекционные классы для трудных подростков, которые не смогли удержаться в обычной школе и добровольно-принудительно перешли в вечернюю.

Я ловлю себя на том, что в последнее время слишком часто слышу это «добровольно-принудительно».

— А что делать? Разумеется, здесь у них больше шансов, — говорит Татьяна Крылова, преподаватель английского в вечерней школе № 3, — если в классе всего 12–15 человек, можно уделить внимание каждому, обнаружить, какие у кого пробелы, попытаться их восполнить. Кто с ними будет так возиться в массовой школе?

Наконец, самый жесткий вариант, наиболее распространенный в большинстве регионов, — это коррекционные интернаты для детей с умственной отсталостью. Вообще коррекционные образовательные учреждения в России группируются по типам диагнозов: I вид — для глухих, II — для слабослышащих, III–IV — для слепых и слабовидящих и так далее.

Школы VIII вида предназначены для детей с диагнозом F70: «умственная отсталость легкой степени», IQ ниже 70, но выше 50. Она же раньше называлась «дебильность», но после того, как это слово в обиходном языке приобрело чрезмерно негативную окраску, в медицине от него было решено отказаться. Максимум, к чему стремятся преподаватели коррекционных школ VIII вида, — научить детей писать, читать, считать и ориентироваться в самых простых социально-бытовых ситуациях. Программа

примерно четырех школьных лет растягивается до девятого класса, из которого воспитанники выходят без общеобразовательного аттестата и с интеллектуальным багажом пятиклассников.

Продолжить образование для выпускника коррекционного интерната крайне сложно: в обычную школу в таком возрасте уже не берут, программа вечерней начинается с 8–9-го классов, хороший колледж или техникум — вообще что-то запредельное.

— И куда дети могут пойти после окончания интерната? — интересуюсь я у Евгении Жаровой, директора коррекционного интерната VIII вида в Яхроме.

— В ПУ № 20. На специальности «швея», «слесарь»... — пауза. — Швея и слесарь, — ставит точку Евгения.

Яхромская школа-интернат — это не сиротское учреждение. Из 92 воспитанников сирот всего 13. У остальных родители даже не лишены прав. Семьи, как нетрудно догадаться, в основном относятся к кластеру «алкоголики-наркоманы-многодетные». Если учителя обнаруживают, что в младших классах дети не справляются с программой, их добровольно-принудительно направляют на территориальную психолого-медико-педагогическую комиссию (ПМПК). Комиссия ставит диагноз, необходимый для зачисления в интернат, и, как правило, семья не возражает: в школе родителей убеждают, что иначе будет еще хуже. А некоторые даже специально устраивают своих детей в интернат, где их будут нормально кормить и хоть как-то учить: «У нас одна мать-одиночка каждый день ездит на работу в Лобню за 50 километров, когда ей детей в школу водить?»

Яхромский коррекционный интернат считается очень хорошим: на 92 детей здесь 70 человек персонала. Директор Евгения Жарова — молодая женщина, вполне адекватная и симпатичная. Она рассказывает, как дети выигрывают детдомовские спортивные соревнования, выступают на конкурсах игры на балалайке, рисуют и танцуют.

— Где-то половина учеников у нас с органическими нарушениями работы головного мозга, у остальных педагогическая запущенность.

— Так ведь запущенность не медицинская проблема! — радуюсь я. — Получается, если ваших детей как следует воспитывать, они смогут вернуться в общеобразовательную школу и закончить ее с человеческим аттестатом?

— А как вы это себе представляете? — удивляется Евгения. — Это ведь надо снимать диагноз, повторно проходить комиссию. Ну, разве что родители изъявят желание. Но у нас таких случаев не было.

— А у вас самих не возникало мысли, что некоторые дети могли бы исправиться и учиться по нормальной программе? Вы не пытались их вытянуть?

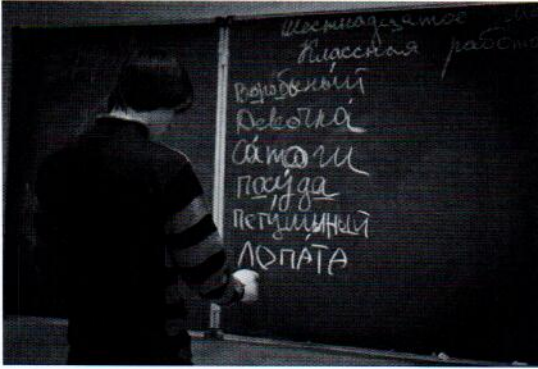
— Задачи такой не стоит, — говорит Евгения, — у нас есть программа для коррекционных школ VIII вида, мы по ней и работаем. А выстраивать отдельный учебный план для каждого ученика — на это у нас нет ресурсов.

— Но послушайте, получается, у этих детей в жизни нет практически никаких шансов только из-за того, что однажды, в первых классах школы, они отстали от программы...

— Да поймите, мы начинали с той же позиции, что и вы! — неожиданно эмоционально вступает Наталья, психолог интерната. — И жалели детей, и пытались с ними заниматься, и домой брали. А теперь... — Наталья вздыхает.

— А теперь?

— Теперь мы работаем по программе.

Добровольно

Мел скрипит по доске, за окном темень, в стекле отражается класс: три человека, три варианта контрольной работы. У Тани болит голова. Она подчеркивает безударные гласные в слове «сапожник» и со стоном садится за свою парту. Запускает пальцы в волосы, в корнях которых видна уже не первая седина.

— Гениально, Таня. Я вами горжусь. А сейчас вам нужно будет сочинить рассказ с заданными словами. Лида: «девочка» и «петух». Саша: «пальто» и «корова»...

— Извините, а можно вопрос? — Саша послушно достает ручку. — Как пишется: «корова» или «корова»?

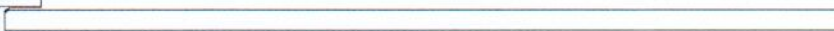
Это не провокация, Саша не придуривается. Ему вообще нравится учиться, потому что большую часть жизни он в школу не ходил.

С Сашей (24 года), Таней (35 лет) и Лидой (21 год) я познакомилась в очень хорошем образовательном центре для сирот, негосударственной благотворительной вечерней школе. Названия мы не упоминаем, потому что администрация просила их не рекламировать. Сейчас они изучают школьную программу 3–4-го классов. В перспективе им нужно как-то дойти до девятого и аттестоваться по общеобразовательной программе. Сколько лет им на это понадобится, неизвестно.

Урок английского

03:02

HD

[Урок английского from yulia vishnevets on Vimeo.](#)

Свое детство ребята провели в интернате для умственно отсталых, который на жаргоне называется «нижним» или «собесовским». Собесовским - потому, что это учреждение относится не к министерству

образования, а к министерству здравоохранения и соцзащиты и предназначено для детей со средней и тяжелой степенью умственной отсталости - то, что раньше называлось “имбецильность” и “идиотия”. В таких интернатах содержатся дети, интеллект которых ниже 50 по шкале IQ, и никакого образования, даже коррекционного, для них не предусмотрено.

Саша практически всю жизнь отрабатывает «карму родителей». Он не помнит, когда его отец запил, а мать посадили. Его первые воспоминания — коррекционный детдом, где он учился до третьего класса. Потом были ДДИ и ПНИ. Это довольно типичный пример нисходящей траектории детдомовца: сначала ему ставят какой-нибудь легкий диагноз и записывают в коррекционную школу, а оттуда, поскольку диагноз уже есть, ребенка очень легко перевести на следующий круг — в «нижний» интернат, как говорят воспитанники. Это учреждение для глубоко умственно отсталых детей, там их вообще ничему не учат. А уже оттуда прямой путь в психоневрологический интернат для взрослых — место, где подавляющее большинство воспитанников остаются до конца жизни.

На вопрос, почему Саша оказался в «нижнем интернате», он отвечает формулой, которую я не раз слышала от бывших детдомовцев: «Плохо вел».

— Доводил всех, дрался, убегал. Когда мне было лет одиннадцать, нас собрали восемь человек со всего интерната и говорят: сейчас мы поедим в гости к Лужкову, у него там стол накрыт, посередине будет большой торт. Мы обрадовались, оделись хорошо! Посадили нас в машину, дали зачем-то в пакете гостинцы. И привезли в детский дом-интернат для умственно отсталых. Там мы уже не веселились, а, наоборот, заплакали. А если бы не обманули, я сбежал бы.

Саша рассказывает о жизни в собесовском интернате

[Саша рассказывает о жизни в собесовском интернате](#) from [yulia vishnevets](#) on [Vimeo](#).

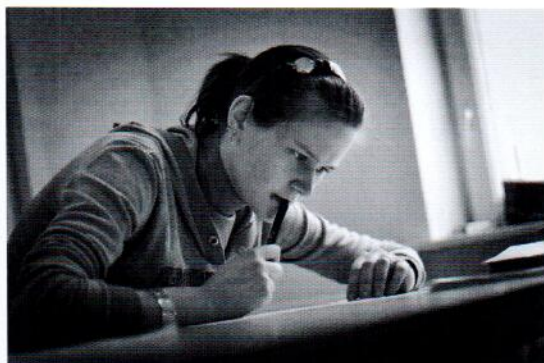
Тем временем вышла из тюрьмы мать и стала искать Сашу в старом интернате. Но не нашла — только через два года она добилась права забирать сына на выходные. Подрастающий Саша стал больше понимать, лучше ориентироваться и научился совершать все более отчаянные побеги. Приходил домой, заставал там бабушку, она отправляла его обратно. Начался его персональный «полет над кукушкиным гнездом» — война с воспиталками и санитарками, холодный душ в наказание за проступки, психотропные уколы.

— Плохо ведешь — делают укол, спишь целый день. Просыпаешься — попа болит, еле ходишь, сесть даже больно. А еще могут в психушку отправить на месяц. Там воспитывают уже только уколами и таблетками. Я два раза туда попадал. В первый раз, когда было лет 16, я очень сильно разозлился и одной

воспиталке ногу ушиб. А потом через два года мы над одной девчонкой немножко поиздевались. Не били, просто поиздевались. Я не один был. Нас собрали и говорят - неделю никто из интерната не выходит. А я только на работу устроился на складе и за неделю мог спокойно оттуда вылететь. Тогда я уже на директора поехал - матом крыл и все остальное. Отправили в психушку, но я и оттуда сбежал. Сделал из пластмассовой ложки отмычку, смотался мимо охраны. Для меня побег - не проблема.

Саше в разные периоды ставили «дебильность», «шизофрению» и «имбецильность». В это сложно поверить - он, конечно, не ангел, но в общении не проявляет никаких признаков социальной неадекватности.

— Кто будет учить глубоко умственно отсталых? Восемь лет мы занимались по одному и тому же учебнику второго класса. Я очень хорошо там учился, полностью на пятерки. Особенно по математике. Мне воспиталка привозила учебники по третьему, по четвертому, я отдельно это усваивал. Таких, как я, нормальных, было человек двадцать — двадцать пять. Один вообще умный: пять классов где-то закончил. И никого оттуда обратно не перевели.

От скуки Саша лез к старшим, хулиганил и занимался мелким криминалом. В 18 лет его стали выпускать из интерната, и он сменил кучу работ: кассир, грузчик, кладовщик, курьер. Последняя работа была вообще крутая — помощник управляющего в фирме, которая продавала электронные сигареты. В 22 года Саша узнал, что, достигнув совершеннолетия, он имеет право на жилплощадь у матери и давно мог уйти из интерната.

— Оказывается, нужно было просто написать заявление об уходе и сходить в паспортный стол прописаться. Так что четыре года я прожил в ПНИ, считай, зазря. Но, может, оно и к лучшему: я когда домой пришел жить, у меня тоже криминал начался. Познакомился с подростками, начал гулять, бухать, все остальное. Ограбили по пьяни магазин жестоко, разбили стекла, на продавца наехали. Украли банку чая «Липтон» — зачем нужен? Уголовное дело на нас открыли. Я сказал, что инвалид второй группы — что с меня взять. Другого посадили вместо меня.

Из-за пьянки Саша потерял работу и был в полушаге от криминальной карьеры — типичная траектория детдомовца «с диагнозом». Но что-то его удержало.

— Я просто устал от всего этого и сказал: стоп, надо что-то делать. Начал искать работу — без аттестата никуда не брали. Познакомился с девчонкой по интернету, встретились, погуляли, она узнала, что я нигде не учусь, сказала: давай иди получай образование. И когда я начал это все узнавать, мне очень даже интересно стало, и я завязал с бухлом.

Сейчас Саша, как это ни сентиментально, прилежный ученик. Вся система образовательного центра построена на том, что ученик сам принимает решения и несет за них ответственность. Саша добровольно рассматривает царство грибов под микроскопом, добровольно читает басни Крылова, добровольно перебирает карточки с английскими словами. Дружит с 13-летней школьницей, на переменах они вместе курят во дворе.

— Я себя сейчас чувствую лет на пятнадцать — шестнадцать. Я же никогда ни в музей не был, ни в театре — ни разу в жизни.

— И какие у тебя планы?

— Закончить девять классов, поступить в колледж. На плотника, чтобы руками что-нибудь делать. Нет, на плотника уже не хочу. А на программиста сложно учиться? Программисты — это ведь с компьютерами, с файлами, да?

На уроке биологии учительница показывает Саше в своем ноутбуке гарвардский мультик о внутренней жизни клетки. На мониторе психоделически переливается цитоплазма, в которой пульсируют центриоли, вьются нити ДНК, от мембраны отпочковываются какие-то непонятные пузырьки и усики.

— Ни фиги себе! Это же живой мир целый! — Саша ошарашенно смотрит круглыми глазами, как будто ему показали клетки его собственного тела.

Увидел жизнь.

Жизнь в клетке (Саша смотрит ролик)

[Жизнь в клетке \(Саша смотрит ролик\)](#) from [yulia vishnevets](#) on [Vimeo](#).

Карательная психиатрия

На перемене бывшие детдомовцы разогревают в микроволновке обеды из пластиковых контейнеров.

— А у тебя какой диагноз? Дебильность или имбецильность?

— Че, я тебе так сразу и сказала, что ли?..

Здесь это не просто обмен любезностями. Сашин случай далеко не единственный. Официально около половины московских детдомовцев имеют диагноз «умственная отсталость» разной степени. И около половины детских домов коррекционные, в основном VIII вида. Этой информацией поделилась педагог Наталья Степина, сотрудник общественной организации «Я — человек», которая больше двадцати лет работает с сиротами.

— В начале 2005 года к нам попал список московских сиротских учреждений с точным числом воспитанников в каждом. Тогда диагноз имели сорок шесть процентов от общего числа сирот. Даже с учетом плохой наследственности можем ли мы согласиться с тем, что действительно столько сирот имеют интеллектуальные дефекты? Мне верится с трудом.

Этот репортаж начался с проблем неграмотности, а в итоге вывел на совсем другую тему — карательную

психиатрию. Потому что именно она чаще всего становится инструментом социальной политики, при которой в массовом порядке появляются люди с крайне низким уровнем образования. Карательная психиатрия — это не обязательно Третий рейх, застенки Лубянки, смиренные рубашки и уколы аминазина. Чаще всего это последовательность рутинных административных решений, каждое из которых принимается в интересах ребенка, но все вместе они работают против него.

— Первые четыре года мы занимались в интернате, а потом нас всем классом отправили в коррекционную школу, — рассказывает 27-летняя Юлия. — Учителя вообще не понимали, что мы там делаем: в других классах этой школы учились по-настоящему больные дети. А на выпуске нам дали не аттестат, а справку об окончании девяти классов, которая нигде не признается. Это просто бумажка: вместо предмета «литература» там стояло «чтение», вместо «русского» — «письмо», вместо «алгебры» и «геометрии» — «математика»... Я с этой справкой пошла в спортивный колледж, хотела учиться на тренера. Они ее покрутили-покрутили — мы, говорят, такой документ вообще в первый раз видим.

Юлия пошла работать в пиццерию, где и отпахала пять лет, пока не нашла в Москве тот самый благотворительный образовательный центр, который был готов принять ее даже с коррекционным аттестатом. Сейчас она заканчивает настоящий девятый класс и скоро сможет осуществить свою мечту о спортивном колледже.

Ее вариант еще не самый плохой: Аня К., тоже выпускница коррекционного интерната, сейчас студентка вуза, призналась, что, выйдя из детского дома, одно время зарабатывала проституцией, параллельно наверстывая упущенное неполное среднее в благотворительной вечерней школе. Вечером решала уравнения и писала диктанты, ночью ловила клиентов на трассе, днем отсыпалась.

Диагностика

Конечно, в такой ситуации очень важным становится вопрос, кто, где и на каком основании ставит ребенку диагноз «умственная отсталость». И тут все упирается в ПМПК — психолого-медико-педагогическую комиссию, которая распределяет детдомовцев по коррекционным школам и интернатам соцзащиты.

Еще двадцать лет назад руководитель лаборатории медицинской психологии НИИ психиатрии Игорь Коробейников проводил освидетельствование выпускников школ VIII вида. По итогам работы Коробейников написал диссертацию, в которой показал, что в таких интернатах проживают немало здоровых детей. Из более 200 молодых людей, которые хотели продолжить образование в вечерних школах, диагноз «умственная отсталость» был подтвержден примерно у 25%. Более 60% оказались «пограничниками», то есть обладали потенциалом для обучения в массовой школе, а около 10% могли быть отнесены к возрастной норме интеллектуального развития.

Система ПМПК — психолого-медико-педагогических комиссий — сложилась в глубоко советское время и с тех пор почти не изменилась. Вообще-то в самой идее ПМПК ничего ужасного нет, она была предложена известным психологом Львом Выготским: если у ребенка есть проблемы, почему бы не посмотреть его группой специалистов из разных ведомств? Предполагается, что до этого ребенок уже наблюдался у психиатра, возможно, лежал на обследовании в клинике. Комиссия смотрит на заключения специалистов, смотрит ребенка и дает рекомендации, где ему стоит учиться — в нормальной школе, коррекционной или вообще не стоит. А родители или опекуны принимают решение, следовать ли этим рекомендациям.

Парадокс в том, что ПМПК, будучи задуманной как структура, объединяющая усилия медиков и педагогов, постепенно превратилась в самостоятельный орган, не подчиняющийся никому: ни медикам, ни педагогам. Этот орган оказался наделен огромной властью и фактически не несет никакой ответственности за свои решения. Когда речь идет о сиротах, сотрудник ПМПК зачастую является первым и единственным специалистом, который видит ребенка.

Если у воспитанника детского дома возникают серьезные проблемы с поведением или школьной успеваемостью, его сразу направляют на комиссию. О том, как это происходит, мне в красках рассказал

молодой прогрессивный психиатр Елисей Осин, более пяти лет проработавший в детской психиатрической больнице № 6, на базе которой работает московская городская ПМПК:

— Вот комната, — Елисей рисует на листе бумаги квадратик. — Вот стол, — внутри первого появляется другой квадратик. — Вокруг стола сидят четыре человека, — четыре квадратика по углам стола. — Здесь сидит психолог. Здесь логопед. Здесь психиатр. Здесь еще какая-то тетка, которая вообще почти все время молчит. Вот здесь, перед ними всеми, место для ребенка. А вот там, в углу, стул для родителя или опекуна. Психолог дает ребенку разные задания, показывает карточки. Ну, например: тарелка, нож, арбуз и кастрюля — что лишнее? Считается, что у детей с умственной отсталостью не развито абстрактное мышление. Если исключил арбуз — молодец. А если исключил кастрюлю, потому что она никак не может пригодиться в поедании арбуза, — это уже подозрение на олигофрению. Психолог комментирует: «Четвертый лишний не выделяет». Психиатр записывает, переводя на свой язык: мышление конкретное. При этом вся диагностика занимает — внимание! — пятнадцать, — Елисей пишет на листе цифру 15 и обводит ее в кружок, — минут! Формально дается полчаса, но в течение этого получаса обязательно что-то происходит: заходит медсестра подписать какие-то бумаги, звонит телефон, могут зайти я в белом халате — спросить что-нибудь. Вот и все.

Неудивительно, что при таком графике вся процедура превращается в формальность, поэтому сотрудники комиссии часто ставят диагноз, руководствуясь собственными представлениями о благо ребенка: в коррекционном интернате меньше классы, больше персонала, логопеды и психологи. Зачем терять время в массовой школе, если ученик «не тянет»?

Проблема в том, что ребенок, как правило, еще не способен осознать всю важность этого экзамена и может показать себя на комиссии не с лучшей стороны: молчать, отказываться выполнять задания, залезть под стол. Особенно если этот ребенок совсем недавно изъят из семьи алкоголиков-наркоманов-многодетных, где его никто не учил задачкам про арбуз. В этом случае решение, как правило, принимается фактически не в пользу ребенка.

Невозврат

Гипердиагностика умственной отсталости у сирот, то есть постановка более тяжелого диагноза, чем следовало бы, — это проблема, которую можно и нужно решать. Но ни один врач не застрахован от ошибки, тем более если речь идет о такой сложной и тонкой сфере, как мозг и душа ребенка. Трагедия в том, что в существующей системе эти ошибки еще и невозможно исправить, — в сиротских учреждениях общение с ПМПК почти всегда становится для ребенка точкой невозврата.

Казалось бы, для того чтобы судить о том, насколько ребенок обучаем, нужно наблюдать его в динамике, смотреть, как он ведет себя именно в процессе обучения. Но у руководителей коррекционных учреждений нет задачи вернуть ребенка в систему общего образования, то есть, собственно, выполнить коррекционную функцию. Чем тяжелее диагноз у ребенка, тем выше зарплата преподавателя, и у него нет совершенно никакого стимула этот диагноз менять. Показатель, по которому оценивается работа интернатов VIII вида, — это количество выпускников, а вовсе не качество коррекционной работы. Педагог может совершить личный подвиг и вытащить ребенка на уровень массовой школы, но от этого у него будут только проблемы. Чтобы снять или изменить диагноз, опекун должен обратиться в ту же

самую комиссию, которая его поставила. А членам комиссии это кажется абсурдным.

— Какие тут могут быть претензии? — говорит олигофренопедагог Елена Ковалева, некоторое время работавшая в ПМПК Троицка. — Умственная отсталость — это и есть умственная отсталость, диагноз F70. Как не может у человека вырасти рука или нога, так и уровень интеллекта не может измениться.

По словам социального педагога Дмитрия Маркова из псковского центра «Росток», большую роль играет профессиональная солидарность психиатров и сотрудников детских домов:

— Директору детского дома и в голову не придет оспаривать мнение районного психиатра. Не согласишься с диагнозом — а он в следующий раз не возьмет к себе в больницу какого-нибудь буйного ребенка, от которого на некоторое время нужно избавиться. Это как если бы ты написала критическую статью про своего коллегу редактора или фотографа.

Наталья Степина описывает случаи, когда ошибка была очевидна всем, включая руководство интерната для умственно отсталых, но комиссия упорно настаивала на своем диагнозе. Например, случай с девочкой Тоней, которую направили на комиссию «для ровного счета», — оказывается, если в интернате набирается шесть проблемных детей, их не надо никуда везти, ПМПК приезжает прямо к ним. За Тоню боролись все, кто только мог: пресса, общественные и государственные организации; новый директор интерната, откуда ее собирались переводить, готов был оставить ее на месте — все было бесполезно, пока ребенка не взяли в семью.

— За двадцать лет я помню только один случай, когда московская ПМПК сняла свой диагноз, — говорит Наталья Степина, — около трех лет назад и сразу трем детям. Это было чудо, тунгусский метеорит! Их перевели из собесовского интерната в коррекционный VIII вида, потом двух забрали в семью, а сейчас они учатся в нормальной школе.

Единственный, реально действующий сегодня способ изменить образовательный маршрут сироты с диагнозом — это сделать так, чтобы он перестал быть сиротой, считает Наталья. Приемные родители, которые решились взять «умственно отсталого», а на самом деле часто просто социально и педагогически запущенного ребенка, почти всегда смогут добиться, чтобы система общего образования его приняла: по закону «Об образовании» родители ребенка сами определяют форму его обучения, а любые решения комиссии носят рекомендательный характер. Если обучение пойдет нормально, учителя довольно быстро забудут о его «дебильности». Правда, диагноз у ребенка останется, но это не страшно — по достижении совершеннолетия его можно будет снять в диспансере по месту жительства или через суд.

Вульгарная объективизация

Все это время я пытаюсь решить в голове уравнение со множеством неизвестных — ПМПК, ЗПР, УО, IQ, F16, ИК — и вывести какую-то универсальную формулу ответственности.

— Как сделать так, чтобы из нормальных детей не делали дебилов? Что нужно исправить в системе, чтобы она нормально работала? Как выработать методы диагностики, которые позволяли бы с одного раза отличить умственно отсталого ребенка от педагогически запущенного? — спрашиваю я прогрессивного Елисея Осина, а он неожиданно переводит разговор в совершенно другую плоскость:

— А вот тут уже можно прийти к вопросу, нужно ли вообще это делать.

— В смысле?

— Почему вообще стоит такая задача? Потому что нужно дать человеку социальный маршрут, определить его карьеру — насколько он нам подходит? В принципе, если ты внимателен и неравнодушен, ты можешь дать ответ на этот вопрос. Но имеешь ли ты на это право? Давайте вспомним, как вообще возникла психиатрия. Это ведь явление сравнительно недавнее, читайте Мишеля Фуко. Она возникла вместе с понятиями «закон» и «преступление». До тех пор пока преступление было

посягательством на власть короля, не было проблем с тем, чтобы человека наказать: пришел король — казнил, четвертовал. А когда возникла идея главенства закона, возникли и люди, которых невозможно наказать — настолько их действия нелогичны. И вот тут появляется психиатр, который утверждает, что перед судом находится человек с душевным заболеванием. То же самое с образованием: до тех пор пока всем людям не надо было садиться за учебники, не было никакой «легкой умственной отсталости». Жил себе человек чуть попроще других, был чуть понаивнее — это не мешало ему иметь кузницу, держать коров. А как только возникла необходимость учить всех людей абстрактным материям, появилась и проблема умственно отсталых — такая же абстрактная.

Но наши психиатры всерьез считают, что любое отклонение от определенной поведенческой нормы — социально обусловленной, вообще-то говоря, — объективно является психической болезнью. Они не видят за этим социального процесса искусственного конструирования этой болезни. Им кажется, что они, как астрономы, беспристрастно, используя самые точные методы, фиксируют степень обучаемости человека. Проблема нашей медицинской системы, как и западной психиатрии до 50–60 годов прошлого века, — это вульгарная объективизация.

Все еще пытаюсь решить уравнение, я приезжаю в благотворительную студию арт-терапии в Яхроме, куда привозят детей из окрестных коррекционных интернатов. Сегодня здесь, как говорят сотрудники, «адский ад» — две группы объединили в одну и свалили на одну несчастную бабульку. Детям 9–11 лет, они в расторможенном состоянии: галдят, бросают друг в друга пуфики, тычут пальцами в монитор компьютера, стучат кулаками по столу и требуют мультиков. Воспитательница в полуобмороке. Единственное, на что ее хватает, — это сказать: «Будешь так себя вести — больше сюда не поедешь». Дети очень разные: кто-то неплохо соображает и рвется общаться, кто-то вообще почти не разговаривает. У одного мальчика во время занятия выпал зуб, другие в восторге передают его из рук в руки. Пока дети, толкаясь и брызгаясь, моют руки после рисования красками, я очень быстро тону в педагогическом конформизме. Психиатрические аббревиатуры вылетают у меня из головы: IQ, ПМПК, УО, дебильность, имбецильность — какое дело до этого несчастной воспитательнице? Тут бы только уследить за тем, чтобы никто никого не покалечил. Тут хотя бы «сработать по программе». Если среди этих детей случайно и затесалась пара-тройка «нормальных», в последнюю очередь думаешь о том, как они будут жить без алгебры и химии. В конце концов, можно утешать себя тем, что, когда они выйдут из интерната, когда их не примут в вечернюю школу, когда им не повезет с устройством на работу и в их жизни не найдется хороших людей, которые отнесутся к ним с уважением, — всегда остается возможность закончить школу в исправительной колонии. Во-первых, оттуда не выгоняют за неуспеваемость. Во-вторых, там красивая учительница.

Экспертное мнение

Риск ошибок отбора

Игорь Коробейников, заместитель директора по научной работе Института коррекционной педагогики РАО

Следует признать, что умственно отсталые дети действительно существуют и существовали всегда. Обучать и воспитывать таких детей следует по специальным образовательным программам, и делать это должны педагоги, имеющие специальную профессиональную подготовку. Пребывание такого ребенка в массовой школе лишено смысла, так как освоить программу этой школы он не в состоянии. Специальная коррекционная школа для него — это благо, это единственный шанс получить доступное ему образование, трудовую подготовку и навыки адекватного социального поведения.

Но известная часть детей, особенно детей-сирот, могут попадать в школы для умственно отсталых при отсутствии у них истинной умственной отсталости. Почему такое возможно? Рекомендации для направления в коррекционную школу действительно дает психолого-медико-педагогическая комиссия (ПМПК) на основе однократного и кратковременного обследования ребенка. Разграничить легкую умственную отсталость со сходными более легкими состояниями, позволяющими обучать ребенка в массовой школе, в условиях комиссионного обследования крайне сложно. Отсюда высокий риск так называемых ошибок отбора, связанных с неправильной диагностикой.

Какой бы квалификацией ни обладали члены комиссии, они не вправе выносить вердикт на основании личных впечатлений, полученных при кратковременном обследовании ребенка. В их задачу входит прежде всего анализ заключений специалистов, наблюдавших ребенка длительное время и направивших его на комиссию, а уже во вторую очередь сопоставление этих заключений с собственными впечатлениями. При отсутствии таких документов — аргументированного заключения психолого-педагогического школьного консилиума, заключения врача-психиатра — они не должны давать каких бы то ни было экспертных заключений.

Второй, еще более важный момент, который хотелось бы особо подчеркнуть: диагностическое обследование ребенка не должно быть однократным, необходимо наблюдать за динамикой его развития. Ведь если при благоприятных условиях он начинает хорошо учиться, исчезают или смягчаются нарушения поведения — это повод для повторного направления ребенка на ПМПК для пересмотра диагноза и возвращения его в массовую школу. Сегодня и методически, и организационно это вполне возможно, нужно лишь закрепить такую практику не как инициативную, а как обязательную к исполнению, то есть предусмотренную в официальном Положении о ПМПК.

И последнее: ПМПК не бесконтрольная структура, она подчиняется органам управления образованием районного, областного, краевого уровней. Правда, функции этого контроля неочевидны, поэтому при возникновении конфликтных ситуаций, когда диагноз ребенка явно утяжеляется — со всеми вытекающими отсюда последствиями, — должна быть возможность обращения к независимой экспертизе. Такую возможность тоже, на мой взгляд, следует законодательно подкрепить.

Все эти проблемы недавно обсуждались на съезде российских психологов, где была составлена программа действий, направленных на реализацию прав ребенка на образование и на защиту его от «диагностической дискриминации». Возможно, кое-что из сказанного удастся осуществить.

Система должна быть прозрачной

Виктория Шмидт, кандидат психологических наук, Университет Масарика, Брно

Как следует организовать обучение детей с трудностями — вопрос, на который единственно правильного ответа нет. Образовательная политика стран с развитой практикой интеграции детей-инвалидов предлагает два варианта. Один из них — радикальная одноканальная инклюзия, когда ВСЕ дети учатся вместе. И, пожалуй, только двум странам удалось обеспечить этот сценарий: Италии и Норвегии.

В России обсуждать предельную инклюзию как возможный вариант рискованно, потому что даже если такую реформу и провести, то весьма вероятно, что из-за недостатка многих ресурсов большинство детей останутся за бортом системы образования вовсе, как это произошло в ряде стран бывшего СССР, где такие преобразования попытались осуществить. Большинство стран идет по пути мультисканального образования — сочетания интеграционных и специальных школ, обучения на дому. Основным условием действенного функционирования такого разнообразия образовательных траекторий становится выверенный механизм принятия решения о том, куда пойдет учиться ребенок. Такой механизм должен обеспечивать равный доступ к разным типам школ для разных детей, в том числе разным с точки зрения того, кто представляет их интересы: родитель, лицо, его замещающее, специалист, назначенный таким опекуном.

Например, в Германии ввели специальный институт независимых менторов для детей, помещенных в учреждения. Обычно это сотрудники НКО, которые имеют право не соглашаться с решением администрации интерната, и часто предметом их забот становится вопрос об образовании. Фактически решения о том, где учиться ребенку, принимаются либо в судебном порядке, как, например, в Англии, либо в процессе переговоров, как в Скандинавии.

В первом случае решающее значение приобретает состязание экспертов: часто родители, которые хотят устроить ребенка в массовую школу и сталкиваются с сопротивлением администрации, находят специалиста, который спорит в суде с позицией школы. В Англии состоялась целая сеть центров, которые поддерживают родителей в отстаивании прав их детей на образование, причем, случается, и на помещение в специальную школу. Переговорный процесс требует от родителей и ребенка готовности участвовать в рассмотрении вариантов и в разделении ответственности за принимаемое решение. В любом случае обе стратегии принятия решения основываются на ПЛЮРАЛИЗМЕ позиций, ПРОЗРАЧНОСТИ процесса принятия решения и преемственности решения и дальнейшего устройства ребенка.

Российская система принятия решений о том, где учиться ребенку, лишена и того, и другого, и третьего — поэтому и попытки развивать инклюзивное образование не выходят за рамки отдельных проектов: задачи выбрать между той или иной формой обучения перед ПМПК точно не стоит. Несомненно, устойчивость такого произвола, как заключения ПМПК, — только одно из проявлений сложившейся в советские времена практики административного решения, будь то изъятие ребенка, постановка ребенка на учет в комиссии по делам несовершеннолетних или обучение в спецшколе. Чтобы реализовать тот или иной вариант «опрозрачивания» принятия решения, нужно сообщество независимых экспертов и разнообразие подходов к оценке развития ребенка. Пока оба эти условия не обеспечены, нет смысла бороться против ПМПК.

См. также:

Как вернуть себе страну

Ссылка на статью: <http://rusrep.ru/article/2012/07/03/strana>

«Психиатрическая лечебница как судебная инстанция не признает никакого другого суда. Ее приговор выносится немедленно и обжалованию не подлежит», — писал Мишель Фуко в своей знаменитой «Истории безумия в классическую эпоху». Когда общество вытесняет из себя часть людей, это больше говорит о болезнях общества, чем о болезнях тех, кого оно называет безумцами. Как в наш век мы определяем людей на место «прокаженных», изгоняя из стаи, наказывая, изолируя и принудительно «спасая», так мы определяем и собственную «нормальность».

Американские социологи в 60-е годы вдруг задумались над тем, почему в США ставится в несколько раз больше диагнозов «шизофрения» на душу населения, чем в Европе. Одним из выразительных символов антипсихиатрического движения в 1973 году стал эксперимент Розенхана, показавший, что случайно выбранные клиники с легкостью ставят шизофрению и МДП совершенно здоровым добровольцам-исследователям. В тот момент это была одна из ключевых общественно-политических тем: в «Полете над гнездом кукушки» речь ведь не о карательной психиатрии, а о времени и обществе вообще, о свободе и рабстве.

Всемирная революция 60-х попыталась коренным образом изменить понятие «нормальности» в европейском мире, перестав заключать целые группы населения и явления в резервации, клиники и тюрьмы. Стало нормальным быть другой расы, иметь сексуальные инстинкты, а заодно и безумие перестало быть окончательным приговором, грехом; постепенно ушли в прошлое и наиболее одиозные методы «лечения» типа экстремальных доз электрошока.

Конечно, гуманистическая и освободительная программа 60-х не могла быть полностью исполнена. Глупо ведь считать, что возможен рай на земле, а любая утопия превращается в кошмар, если начать ее всерьез и последовательно реализовывать. Методы, изобретенные в психушках (вроде того же электрошока или сенсорной деривации), как это описывает американская журналистка Наоми Кляйн в «Доктрине Шока», активно использовались во всех войнах последних десятилетий — в Никарагуа, Чили, Ираке, на Северном Кавказе.

И даже у программы освобождения от диктатуры «нормальности» старой эпохи есть обратная сторона. Бомжи-безумцы на улицах некоторых крупных городов США — дань той же свободе. Им не положена не просто принудительная психиатрия, но и вообще любая бесплатная помощь. Отсюда же и самое большое количество заключенных на душу населения в американских тюрьмах — общество считает, что у человека всегда есть выбор: становиться или не становиться преступником. Согрешил — расплатись.

В западноевропейском социализме, родившемся в те же 60-е в жесткой конкуренции с СССР, победила другая идеология: социальная помощь и социальные программы — более эффективный способ борьбы с преступностью, чем тюрьмы. И вроде бы такой подход показал свою эффективность. Как очевидно и то, что разумнее и человечнее находить «неблагополучному» ребенку здоровую среду, чем тратить миллиарды на систему детских домов — «фабрику» по производству дебилов и преступников.

Наша страна сохранила самое плохое, что есть в обоих подходах — либеральном и социалистическом. С одной стороны, осталась социальная гиперопека, в результате чего государство берет на себя специфическую «заботу о населении» — штампует неоправданные диагнозы и платит за изолированное

содержание детей-сирот, не отдавая их обществу. С другой стороны, очевидно популярен тезис о том, что каждый спасается поодиночке. (Подробнее читай: «Не учи» Откуда в России берутся новые неграмотные)

У нас все еще слишком много народу сидит в тюрьмах. У нас все еще есть детские дома — и это позор. У нас бедным детям все еще пачками ставят диагноз «слабоумие». И мы же, с недавних пор поверив дикому капитализму, считаем, что неблагополучные слои населения должны спасать себя сами. Судя по этому всему, наше общество очень больно.

У основателя фонда содействия реформе уголовного правосудия «Тюрьма и воля» Валерия Абрамкина есть прекрасный парадоксальный тезис: «Надо вернуть тюрьмы народу». Смысл его в том, что судьи, «нормальные граждане» и «общество» изолируют от себя «неблагополучных», думая, что они навсегда останутся в тюрьме, на Колыме, в детском доме, что они навсегда «уходят» из общества. Как будто тот же подросток, которому поставили метку «дебил» или «преступник», не вернется в тот же город, на ту же улицу уже действительно опасным бандитом и действительно больным человеком.

Продолжим метафору: надо вернуть народу брошенных детей, бедных и неблагополучных людей, вернуть народу народ. Или, как пел Борис Гребенщиков, «пора вернуть эту землю себе».